

никогда не омрачат печали и горести, и что мама станет самой счастливой на свете, и отец образумится и заживёт с нами одной семьёй, в ладе и согласии.

Моя подружка

В Ольге Синевской мне нравилось всё: и её маленький прихотливый рот, и её чуть вздёрнутый нос, и её сверкающие карими звёздочками глаза, и её банты, всегда такие роскошные, нарядные, и её платья, казавшиеся мне почему-то не такими, как у других девочек. Она частенько носила светлое и кружевное, и я дразнил её бабочкой, а она притворялась обиженной:

– Я не бабочка, а девочка Оля, вот такушки! – Однако не могла побороть расцветавшую на её лице улыбку.

Как-то раз, разгуливая по оврагу, мы с ней выбрались к заброшенному старому дому. Здесь когда-то жила одинокая, загадочная старуха Строганова; рассказывали, что она была весьма скаредная и зажиточная, что после её кончины деньги и золото остались лежать где-то в доме, и что каждую ночь в нём кто-то доньне прохаживается со свечой, – поговаривали, мол, дух старухи оберегает добро. Мы, дети, побаивались её дома, вечерами зачастую обходили его сторонкой, но иногда днём ватагой забирались вовнутрь, – там, увы, было пусто и сыро.

Ольгу, помню, вечно-то тянуло в какие-нибудь тёмные, таинственные углы, во всякие чуланы и сараи, и в глубине души я восхищался её какой-то недевчоночьей смелости. И вот сегодня – что же она опять? Предложила, отчаянная голова, зайти